

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ОТВЕТ Д. С. ГАБИЕВУ

В томе IX «Материалов по этнографии Грузии» (изд. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1957, стр. 227—232) опубликована пространная рецензия Д. С. Габиева на научно-популярный сборник статей «Народы Дагестана», изданный Институтом этнографии АН СССР (М., 1955). Не считая нескольких заключительных строк рецензии, она целиком посвящена критике главы «Лакцы», написанной мной.

Хотя в начале рецензии есть упоминание «о достоинствах» моей статьи, но они не приведены, и вся рецензия построена на критике «неточностей, упущений и недоработок». Я далек от мысли, что мои работы, в частности статья «Лакцы», лишены недостатков, и с благодарностью принимаю некоторые указания рецензента в отношении отсутствия сводчатого верха у кумухского водопровода, названий старинных праздников первой пахоты и первой жатвы, а также подмеченной рецензентом опечатки (вместо раздела 4 напечатано 5). К сожалению, этим исчерпывается деловая часть критики моей статьи.

Остальные (около 30) замечания являются результатом в одних случаях непонимания, чем отличается краткая популярная статья от монографического исследования, а в других — недостаточной осведомленностью рецензента. Добрая половина рецензии состоит из упреков, вызванных тем, что я опустил те или иные детали, — например то, что лакская печь для выпечки хлеба имеет «рубчатые стенки» (стр. 229) или что кумухский водопровод плохо работает (стр. 230) и т. д. Д. С. Габиев заявляет: «создается неприятное впечатление, что либо автор данной статьи отнесся не с должным вниманием к ее составлению, либо его работа была ограничена количеством листов и временем» (стр. 230—231). Казалось бы, что малый размер моей статьи (немногим более 1 авт. листа) должен был подсказать рецензенту причину краткости изложения.

Но главным недостатком моей статьи Д. С. Габиев считает многочисленные фактические ошибки, якобы допущенные мной. Так как рецензия Д. С. Габиева может создать у читателей искаженное представление об этнографической и исторической действительности, то я вынужден остановиться подробнее на этой части рецензии.

В некоторых случаях смысл возражения рецензента совершенно непонятен. Например, я пишу, что сословие узденей — это незакрепощенные крестьяне, а возражение рецензента состоит в том, что «уздени — не незакрепощенные крестьяне, а свободолубивые роды (? — Л. Л.), которые... охраняли свою свободу, не давая себя закрепостить» (стр. 228). Может быть, рецензент возражает не против слова «незакрепощенные», а против слова «крестьяне», т. е., может быть, он склонен относить узденей к аристократической верхушке? Но и это исключается, так как рецензент признает, что уздени — «это действительно большая... часть лакского населения». Тогда непонятно, кем же считает узденей автор рецензии? Д. С. Габиев в ряде случаев искаженно изображает лакскую действительность. Так, не соглашаясь с моим описанием современной лакской свадьбы, он утверждает, будто до сих пор на свадьбах читают коран, а невеста его целует (стр. 231). Я допускаю, что это может быть кое-где еще имеет место, но утверждаю, что оно абсолютно не характерно для подавляющего большинства свадеб в современной Лакии. Мне, например, много раз приходилось бывать на лакских свадьбах, но я ни разу не видел того, о чем пишет рецензент.

Еще более искаженное представление о лакской действительности дает та часть рецензии, где автор пытается опровергнуть следующие мои слова: «Глубокие сдвиги, которые произошли в жизни горцев за годы Советской власти, привели к тому, что в настоящее время отходничество как бытовое явление у лакцев не существует» (стр. 162). По мнению Д. С. Габиева, высказанному на стр. 229, ни революция, ни коллективизация сельского хозяйства не оказали никакого влияния на отходничество, порожденное в свое время земельным голодом и необеспеченностью скотом значительной части лакцев. В доказательство Д. С. Габиев ссылается на сел. Хурукра, где из 132 чел. мужского населения, зарегистрированного в 1930 г., сейчас в селении остается летом «от 8 до 15 человек, а то и меньше». Таким образом, остальные — более 100 мужчин — якобы летом заняты на отхожих промыслах. При этом рецензент говорит, что «отходники сами, конечно, не состоят членами колхоза», а только проживают в селении. Выходит, что в сел. Хурукра, где нет ни одного промышленного предприятия, коллективизация будто бы не коснулась подавляющего большинства крестьян! Я не говорю уже о том, что традиционный сезон лакского отходничества всегда приходился не на лето, как думает Д. С. Габиев, а на зиму. На самом же деле в Хурукра, как и в других лакских селениях, крестьяне состоят в колхозе, где находят применение своему труду.

Д. С. Габиев не согласен с моей отрицательной оценкой предания о том, что лакцы

первыми в Дагестане приняли ислам еще в VIII в. и что существование мечети VIII в. в Кумухе не доказывает обращения в ислам уже тогда большинства лакцев. Рецензент спрашивает: «...Где в исторической литературе автор нашел опровергающие это «предание» данные?» (стр. 227). Вместо ответа на заданный вопрос я ограничусь советом рецензенту обратиться хотя бы к недавно изданным «Очеркам по истории Дагестана» (Махачкала, 1957) или к статье М. С. Саидова в «Ученых записках Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы», т. I, где эти вопросы достаточно полно изложены.

Рецензент недоумевает: «Почему-то валий всего Дагестана Шах-Баал, поставленный арабами, назван автором (т. е. мною.— Л. Л.) мифическим основателем династии шамхалов?» (стр. 228). Отвечаю: потому, что о Шах-Баале говорят только очень поздние источники (Дербент-наме, Рафи и пр.), тогда как арабские писатели IX—X вв. не знают общедагестанского валия и единогласно говорят о политической раздробленности Дагестана. В связи с Шах-Баалом рецензент задает мне вопрос: «Кто же, по мнению автора, в действительности является основателем этой династии?» Разве личность Шах-Баала становится более реальной, а не мифической оттого, что на вопрос об основателе династии шамхалов историки пока не в состоянии ответить?

Прочитав у меня о том, что остроносою войлочную обувь, ныне встречающуюся только в Кулинском районе, раньше носили и в других частях лакской территории, Д. С. Габиев заявляет, что «эта обувь является отличительной чертой именно жителей Кулинского района, но отнюдь не всего лакского народа» (стр. 230). Д. С. Габиеву, очевидно, не известно, что прекрасный знаток лакского быта А. Омаров отмечал эту обувь за пределами нынешнего Кулинского района, в Кумухе и в Вицхинском участке (см. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 2, стр. 26 и вып. 12 и 14).

Д. С. Габиев выискивает различные поводы для «опровержения» или «исправления» сообщаемых мною фактов. Я, например, пишу, что кварталы по-лакски называются «в одних случаях — махла, в других — жамят» (стр. 165). Рецензент не согласен с этим, так как «жамят», — пишет он, — слово не лакское, а арабское» (стр. 230). Нетрудно догадаться, что в краткой статье не всегда бывает необходимо указывать источник заимствованных терминов, ставших народными. Но если рецензент придерживается другого мнения, то ему следовало бы прибавить, что и «махла» происходит от арабского «махалл», т. е. «местность».

Не соглашаясь с тем, что кумухская джума-мечеть датируется VIII в., Д. С. Габиев утверждает, что она «построена в XVIII в. Мухаммед-ханом... рядом (разрядка моя.— Л. Л.) стена в стену с маленькой молельней, построенной действительно в VIII в. при арабах» (стр. 227). В том, что эта мечеть построена в VIII в., никто из многочисленных авторов не сомневался. Эта датировка подтверждается архитектурными особенностями мечети, арабской надписью на ее стене и общесторическими соображениями. О том, что где-то рядом прежде существовала другая мечеть, ничего не говорится ни в письменных источниках, ни в известных мне преданиях, ни в памятниках материальной культуры. Как и большинство других аналогичных старинных зданий, кумухская джума-мечеть подвергалась неоднократным перестройкам и расширению (в 1421/22, 1788/89 и 1905/06 гг.), но эти переделки не уничтожили очень старых ее архитектурных особенностей.

Рецензент не согласен со мною, что дореволюционная литература на лакском языке, несмотря на давнее ее существование, представлена небольшим числом произведений. Он заявляет: «До нас дошли образцы 400-летней давности: трактаты по народной медицине, истории Дагестана, философские сочинения, поэзия, драматургия, из переводных (с арабского) — учебники алгебры, астрономии, грамматики и ряд других» (стр. 232). В связи с этим хочется задать Д. С. Габиеву вопрос: где же хранятся эти якобы существующие произведения столь разнообразного содержания, написанные на лакском языке в XVI в.? Наиболее ранним литературным памятником лакского языка, до сих пор известным науке, остается перевод персидского лечебника, сделанный по приказу хана Сурхай-Чолака в 1732 г.

Чтобы не увеличивать размеры своего письма, я опускаю остальные замечания Д. С. Габиева по моей статье, на которые также имею возражения.

В конце рецензии Д. С. Габиев высказывает несколько критических замечаний по сборнику «Народы Дагестана» в целом. Несерьезность их видна хотя бы из того, что небольшой список рекомендуемой этнографической литературы, приложенный к сборнику, он принял за попытку редактора дать полный библиографический указатель по дагестановедению и в связи с этим сетует, что «литература... подобрана не полностью. Не указаны работы многих дореволюционных исследователей по археологии, этнографии и истории» (стр. 232).

Сел. Нижний Катрух в верховьях р. Кара-Самура издавна населено азербайджанцами, сохранившими в быту родной язык. Однако Д. С. Габиев, увидев это на приложенной к сборнику этнографической карте, выражает удивление: «Почему-то и неизвестно откуда т. Винников (составитель карты.— Л. Л.) населил территорию, заключенную между лаками, цахурами и рутальцами, — азербайджанцами» (там же).

Приведенные примеры говорят о том, что Д. С. Габиев недостаточно серьезно и ответственно подошел к составлению своей рецензии, которую редакция «Материалов по этнографии Грузии» сочла возможным поместить на страницах своего издания.

Л. И. Лавров